

К.С. Сурнова

Незаконная миграция и трансграничная безопасность в Центральной Азии: Киргизия и Таджикистан

Аннотация. В статье рассматривается проблема незаконной миграции и ее влияние на трансграничную безопасность в условиях высокой интенсивности миграционных потоков в Центральной Азии. Исследование фокусируется на Киргизской Республике и Республике Таджикистан, странах, чье географическое положение и социально-экономические условия создают особые предпосылки для формирования уязвимости перед вызовами в области миграционных процессов. В статье уделено внимание как истории миграционных процессов в рассматриваемых странах, так и современным направлениям миграции, включая Россию, Турцию и Казахстан. В настоящее время в Киргизии и Таджикистане предпринимаются инициативы по упорядочиванию миграционной сферы, что необходимо не только для обеспечения безопасности, но и для снижения экономической зависимости. В целом, нелегальная миграция, являясь следствием комплекса причин, представляет собой многоаспектную проблему для обеих стран. Она не только влияет на демографическую ситуацию и рынок труда, но и создает предпосылки для развития транснациональной преступности, включая экстремизм и незаконный оборот наркотиков. Необходим дальнейший анализ для разработки комплексных мер управления и легализации миграционных потоков для обеспечения как внутренней стабильности, так и трансграничной безопасности в Центральноазиатском регионе.

Ключевые слова: Киргизия, Таджикистан, Центральная Азия, незаконная миграция, трансграничная безопасность, миграционные потоки.

Автор: Сурнова Кристина Сергеевна, студент 4 курса Института международных отношений и политических наук Российского государственного гуманитарного университета. ORCID: 0009-0001-1526-7854. E-mail: cactus.chris@mail.ru

Kristina S. Surnova

Illegal migration and cross-border security in Central Asia: Kyrgyzstan and Tajikistan

Abstract. The article examines the problem of illegal migration and its impact on cross-border security in conditions of high intensity of migration flows in Central Asia. The study focuses on the Kyrgyz Republic and the Republic of Tajikistan as countries whose geographical location and socio-economic conditions create special prerequisites for vulnerability to challenges in the field of migration processes. The article focuses on the history of migration processes in the countries under consideration, as well as modern migration trends, including Russia, Turkey and Kazakhstan. Currently, the Kyrgyz Republic and the Republic of Tajikistan are taking initiatives to streamline the migration sector, which is necessary not only to ensure security, but also to reduce economic dependence. In general, illegal migration, as a result of a complex of causes,

is a multidimensional problem for both countries. It not only affects the demographic situation and the labour market, but also creates prerequisites for the development of transnational crime, including extremism and drug trafficking. Further analysis is needed to develop comprehensive measures to manage and legalize migration flows to ensure both internal stability and cross-border security in the Central Asian region.

Keywords: Kyrgyzstan, Tajikistan, Central Asia, illegal migration, cross-border security, migration flows.

Author: *Surnova Kristina S.*, 4th year student at the Institute of International Relations and Political Sciences of the Russian State University for the Humanities.
ORCID: 0009-0001-1526-7854. E-mail: cactus.chris@mail.ru

Незаконная миграция, представляющая собой перемещение лиц через государственные границы или внутри страны с нарушением установленных законодательных норм, является одной из наиболее острых проблем современности, оказывающей существенное влияние на социально-экономическую и политическую стабильность государств.

В Центральной Азии, регионе с высокой интенсивностью миграционных потоков и сложной геополитической обстановкой, нелегальная миграция тесно переплетается с вопросами трансграничной безопасности. Под трансграничной безопасностью в работе понимается состояние защищенности национальных интересов государства, личности и общества от внутренних и внешних угроз, возникающих в связи с перемещением людей, товаров, информации и других объектов через государственные границы, включая противоправную деятельность, организованную и транснациональную преступность, экстремизм, терроризм, незаконный оборот оружия и наркотиков, а также информационное воздействие, направленное на дестабилизацию общественно-политической обстановки.

Исследование фокусируется на Киргизской Республике и Республике Таджикистан как странах, чье географическое положение и социально-экономические условия делают их особенно уязвимыми перед вызовами, связанными с миграционными процессами.

Миграционные процессы на территории современной Киргизии характеризуются многовековой преемственностью, истоки которой следует искать в периоде инкорпорации региона в состав Российской империи [Элебаева, 2025, с. 6]. Присоединение северных районов нынешней Киргизии к имперским владениям во второй половине XIX столетия ознаменовало начало систематических переселенческих движений, среди которых особое место занимает формирование Семиреченского казачьего войска. Данное военно-административное образование не только выполняло функции охраны границ, но и стало катализатором дальнейших миграционных процессов в регионе. Казачье население, закрепившись на новых землях, создало устойчивые поселенческие структуры, которые впоследствии послужили основой для более масштабных переселенческих программ. Важно отметить, что уже на этом этапе проявились характерные черты

центральноазиатской миграции — её государственно-организованный характер и тесная связь с геополитическими интересами «метрополии».

Отдельного внимания заслуживает миграция этнических групп люли и джуги, которых в научной литературе нередко называют «среднеазиатскими цыганами» [Вилькинс, 1879, с. 436—461]. Их традиционный полукочевой образ жизни создает методологические трудности для исследователей миграционных процессов. Дело в том, что циклические перемещения этих сообществ между различными населенными пунктами региона плохо укладываются в стандартные категории «внутренней» и «международной» миграции.

Социальная замкнутость люли и джуги, их ориентация на неформальную экономику затрудняют не только демографический учет, но и оценку потенциальных рисков. Исследователи сталкиваются с парадоксом: с одной стороны, эти группы демонстрируют высокую мобильность, с другой — их миграционные стратегии остаются слабо изученными [Magushiakova, 2016]. Стандартные методы социологических опросов здесь малоэффективны из-за языковых барьеров и культурной дистанции. Поэтому вопрос разработки специализированных подходов к мониторингу перемещений полукочевых групп остается открытым для центральноазиатской миграциологии.

Столыпинская аграрная реформа 1906—1916 гг. кардинально изменила демографическую картину региона, спровоцировав беспрецедентные по масштабам переселенческие потоки из густонаселённых губерний Центральной России и украинских земель. Переселенческая политика П. А. Столыпина, направленная на решение аграрного вопроса в европейской части империи, превратила киргизские степи в один из основных реципиентов крестьянской колонизации. За десятилетие реформ численность славянского населения в регионе возросла многократно, что привело к формированию устойчивых этнических анклавов и существенной трансформации традиционного хозяйственного уклада коренного населения.

Советский период характеризовался качественно иной направленностью миграционных процессов: если имперская колонизация носила преимущественно крестьянский характер, то в условиях социалистической индустриализации республика стала центром притяжения для высококвалифицированных специалистов и промышленных рабочих.

Этот процесс приобрел особую интенсивность в 1960-е годы, когда реализация масштабных народнохозяйственных проектов потребовала привлечения значительных людских ресурсов из других союзных республик.

Однако уже в середине 1970-х годов наметились признаки кардинального изменения миграционных векторов — начался процесс постепенной реэмиграции русскоязычного населения в европейскую часть СССР, который приобрёл характер устойчивой тенденции. Феномен, получивший в демографической литературе наименование «обратной миграции», был обусловлен комплексом социально-экономических и культурно-психологических факторов, включая ограниченные возможности профессиональной реализации и усиление этнокультурной самоидентификации коренного населения.

Военные годы внесли в миграционную динамику региона специфические черты, связанные с принудительными переселениями различных категорий населения. Эвакуация гражданского населения из прифронтовых районов в 1941—1942 гг., а также депортация целых народов Северного Кавказа и Крыма после 1942 г. кардинально изменили этнический состав республики и создали предпосылки для формирования сложной поликультурной среды. В 1950—1960-е гг. миграционная картина дополнилась масштабным притоком этнических немцев из Казахстана и сибирских регионов, что стало результатом реабилитационной политики советского государства и стремления этой этнической группы к консолидации в наиболее благоприятных климатических условиях [Игнатьева, 2025, с. 305].

Последствия распада СССР повлек за собой деиндустриализацию, разрыв внутривозрастных связей и прекращению субсидирования развития республики в рамках плановой экономики. Большинство промышленных предприятий приостановило деятельность встало, их оборудование в основной своей массе ушло на металлолом и было продано соседним странам.

Одновременно произошел отток русскоязычного населения — русских, белорусов, украинцев, евреев, немцев — на историческую родину. Это была потеря части населения страны, носителей культурных традиций, обладателей профессиональных знаний и навыков — рабочих и инженеров, врачей и учителей, преподавателей вузов.

Следствием стала радикальная смена этнического состава населения Киргизии: в 1989 г. доля этнических киргизов в общей численности населения составляла 52,4 %, то в 2009 г. она увеличилась до 64,86 %, а в 2019 г. составила 73,3 % [Мкртчян, 2012].

В условиях экономического кризиса и политической неопределенности в 1990-е годы Киргизская Республика начала ряд преобразований, вызванных разрывом прежних экономических связей и, как следствие, приостановкой деятельности многих ключевых предприятий и утратой в прежнем объеме рынков сбыта.

К 1999 г. ВВП на душу населения достиг рекордного минимума в 258 долл. Одновременно начался процесс экономических преобразований, который, с одной стороны, замедлил инфляцию и позволил создать национальную валюту (сом), тем не менее, с другой стороны, обусловил дальнейшую эмиграцию из страны.

Закон «Об общих началах разгосударствления, приватизации и предпринимательства в Республике Кыргызстан» (1991 г.) в силу недостаточности правового регулирования и финансовой поддержки привел к банкротству предприятий и, соответственно, потере рабочих мест. К 1999 г. 656 тыс. человек не имели работы, сегодня этот показатель оценивается в районе 112 тыс. [Закон Республики Кыргызстан, 1991].

Представленные данные демонстрируют, что Россия является основным направлением внешней трудовой миграции для граждан Киргизии, что обусловлено комплексом экономических и социальных факторов. Однако наблюдается тенденция к диверсификации направлений трудовой миграции граждан Киргизской Республики, что может быть обусловлено ужесточением миграционной

Таблица 1. Основные направления внешней миграции из Кыргызстана и их динамика (тыс. человек)

Страна/регион	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Изменение (2022/2024 гг.)
Россия	870,3	650 / 718,4	350	-520,3 (-59,8 %)
Казахстан	2,2	27,5	65	+62,8 (+2854,5 %)
Турция	1,8	24,4	68	+66,2 (+3677,8 %)
США	0,255	18	36	+35,745 (+14018,0 %)
Страны Европы	1,6	22	37	+35,4 (+2212,5 %)
Южная Корея	0,24	7	14	+13,76 (+5733,3 %)
Узбекистан	0,291	0,35	0,42	+0,129 (+44,3 %)
Страны Балтии	0,06	0,18	0,45	+0,39 (+650,0 %)
Другие страны СНГ	0,121	0,18	0,24	+0,119 (+98,3 %)
Страны Персидского залива	0,2	3,5	8	+7,8 (+3900,0 %)
Египет	0,05	0,8	1,5	+1,45 (+2900,0 %)
Япония	0,03	0,6	1,2	+1,17 (+3900,0 %)
Итого за рубежом	876,9	753	581	-295,9 (-33,7 %)

Источник: Ахматова, 2024; Национальный статистический, 2024, с. 9—10.

политики РФ последних двух лет (2022—2024), а также введением санкций против России, что, в свою очередь, усложнило положение мигрантов и изменило направления эмиграции [Рахмонов, 2024, 86]. Российские власти в рамках миграционной политики до 2025 г. предприняли ряд мер по упорядочиванию миграционных потоков, включая внедрение биометрической системы контроля через приложение ruID, что усложняет транзитные схемы для граждан безвизовых стран и вынуждает искать альтернативные пути следования или легализовать статус. Кроме того, программы образовательных квот для иностранных студентов и инициативы по переселению соотечественников создают дополнительные легальные каналы миграции, которые могут частично снизить нагрузку на транзитные маршруты.

Сегодня внешние акторы, такие как Турция и ЕС, предлагают альтернативные маршруты и рынки труда, стремясь ослабить влияние РФ и Центральной Азии. При этом, согласно «Национальной программе развития Кыргызской Республики до 2030 г.», правительство страны стремится развивать внутренний рынок труда и вводить меры по поддержке возвращающихся граждан, однако пока данные инициативы не получили широкого распространения [Национальная программа, 2025]. Сокращение официальных данных о численности мигрантов в России в 2023—2024 гг. может быть связано с ужесточением контроля и депортацией нелегальных мигрантов, а также с общим изменением экономической конъюнктуры.

Казахстан в последние годы превратился в ключевой транзитный коридор для миграционных потоков, направляющихся из стран Южной и Центральной Азии в Россию и далее в европейские государства. Географическое положение республики делает её естественным мостом между регионами с различным уровнем экономического развития, что неизбежно формирует устойчивые миграционные маршруты. Основные транзитные пути пролегают через северные пограничные переходы с Россией — Петропавловск, Костанай, Уральск, а также восточные КПП с Китаем, включая крупнейший пункт пропуска Хоргос. Наиболее активно используется маршрут из Афганистана и Пакистана через территорию Узбекистана в южные регионы Казахстана, затем по железнодорожным и автомобильным магистралям к российской границе.

Турецкое направление характеризуется иной спецификой: Турция заинтересована в развитии миграции в Центральной Азии, предлагая государствам региона консолидироваться вокруг нее на основе общих культурных ценностей. Как уже отмечалось ранее, Турция является достаточно популярным направлением в силу относительной открытости для миграции и исторических связей с государствами Центральной Азии. Гражданам некоторых государств региона доступен безвизовый въезд в Турцию на 90 дней, что может приводить к многократному продлению пребывания. Необходимо отметить, что политика страны во многом остается избирательной, стремясь сохранить баланс между контролем и экономическими потребностями [Aslanov, 2023, p. 45—52].

Нелегальная миграция представляет собой серьезный вызов для трансграничной безопасности [Пименов, 2021, с. 3]. Отсутствие эффективной системы миграционного контроля, прозрачность границ, географическое положение, удобное для транзита, и несовершенство законодательства способствуют проникновению нелегальных мигрантов в другие государства.

Ужесточение миграционного законодательства в странах назначения, таких как Россия, где с 5 февраля 2025 г. действует публичный электронный реестр иностранных граждан и расширен перечень оснований для отказа основания для отказа во въезде, вызывает определенное недовольство среди членов ЕАЭС, но одновременно призвано повысить безопасность и предотвратить акты экстремизма [ГУВМ МВД, 2025]. Киргизия, в свою очередь, стремится упорядочить миграционные потоки, присоединившись к Глобальному договору о безопасной, упорядоченной и легальной миграции и заключая соглашения о сотрудничестве в области миграции.

Однако такие меры, как организация незаконного оформления документов, выявление которых стало предметом операции ФСБ совместно с Росфинмониторингом «Нелегал» в июне 2025 г., свидетельствуют о сохраняющихся проблемах [После операции, 2024]. Потенциальная связь нелегальной миграции с экстремизмом, терроризмом и наркотрафиком требует особого внимания со стороны правоохранительных органов. Приток иностранных студентов, например из Пакистана, также несет определенные риски, связанные с интеграцией и потенциальным использованием их статуса для незаконной деятельности [Qaisran, 2021, p. 45—60].

Таджикистан, столкнувшись с последствиями распада СССР и разрушительной гражданской войной в 1990-е годы, пережил значительные миграционные потрясения. Экономический кризис, относительно низкий уровень ВВП и нехватка рабочих мест стали мощными стимулами для эмиграции, в первую очередь в Россию, которая остается основным направлением трудовой миграции [МВФ, 2025; Аржаев, 2024, с. 154].

Граница между Таджикистаном и Афганистаном представляет собой один из наиболее проблематичных участков с точки зрения контроля миграционных потоков. Её протяженность превышает 1300 километров, однако техническое оснащение остается крайне неравномерным. Горы Памира и изрезанный рельеф долин создают естественные препятствия для постоянного наблюдения, что, как отмечают исследователи пограничной проблематики, превращает значительные участки в зоны «размытого суверенитета». Это, в свою очередь, создает дополнительные риски, связанные с угрозами терроризма, наркотрафика и контрабанды, исходящими из нестабильной ситуации в Афганистане. Влияние конфликтов в Афганистане на миграционные потоки и трансграничную безопасность проявляется в потенциальном проникновении экстремистских группировок вместе с потоками беженцев и трудовых мигрантов в Таджикистан. Государственные меры по контролю миграции, включая депортацию иностранных граждан и укрепление границы в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), направлены на минимизацию этих угроз.

События 2021 г. привели к резкому увеличению числа людей, стремящихся покинуть страну. При этом необходимо учитывать, что афганские мигранты представляют неоднородную группу — среди них встречаются как экономические мигранты, так и лица, покидающие родину по соображениям безопасности [Гарибова, 2024, с. 236]. Проблема идентификации истинных мотивов миграции осложняется тем, что процедуры верификации требуют значительного времени и ресурсов, которыми пограничные службы располагают в ограниченном объеме.

Таблица 2. Основные направления внешней миграции из Таджикистана и их динамика (тыс. человек).

Страна назначения	2022 г.	2023 г.	2024 г. (первое полугодие)	Изменение (2022/2024 гг.)
Россия	745,8 (96 %)	626,9 (96 %)	377,1 (96 %)	-368,7 (-49,4 %)
Казахстан	16,3 (2,1 %)	13,7 (2,1 %)	8,2 (2,1 %)	-8,1 (-49,7 %)
Другие страны СНГ	11,6 (1,5 %)	9,8 (1,5 %)	5,9 (1,5 %)	-5,7 (-49,1 %)
Страны вне СНГ	1,9 (0,2 %)	1,6 (0,2 %)	1,0 (0,3 %)	-0,9 (-47,4 %)
Итого	775,6	652,0	392,8 (за полгода)	-382,8 (-49,4 %)

Источник: Отчет министерства, 2024.

Как видно из табл. 2, Россия остается доминирующим направлением для трудовых мигрантов из Таджикистана, что подчеркивает сильную зависимость экономики страны от денежных переводов мигрантов [Ratha, 2024]. Сокращение

потоков трудовых мигрантов в первом полугодии 2024 г. по сравнению с предыдущим годом может быть связано как с ужесточением миграционной политики в России, так и с экономическими последствиями событий в Украине.

Миграционные потоки из Таджикистана, как показывают данные Министерства труда, миграции и занятости населения, продолжают формировать значительные потоки трудовых ресурсов, направляющихся преимущественно в Российскую Федерацию.

За первую половину 2024 г., согласно официальной статистике (см. табл. 2), в Россию проследовало около 377 тыс. таджиков, что, однако, на 15 % меньше показателей аналогичного периода прошлого года. Это снижение, как представляется, может быть обусловлено не только ужесточением миграционного законодательства в странах назначения, но и, возможно, переориентацией части мигрантов на иные направления, включая западные страны. Нельзя игнорировать и обратную сторону этих процессов: только за первое полугодие 2024 г. из России было выдворено свыше 17 тыс. граждан Таджикистана за нарушение установленных правил пребывания.

Параллельно с этим, в Киргизии также предпринимаются шаги по упорядочиванию миграционной сферы, что подтверждается стартовавшей в июне 2025 г. спецоперацией «Нелегал-2025». По предварительным оценкам Государственного комитета национальной безопасности Киргизской Республики, число лиц, находящихся на территории государства с нарушением миграционного законодательства, оценивается примерно в 5 тыс. человек. Этот показатель, хотя и кажется относительно небольшим на фоне общего числа мигрантов, тем не менее указывает на существующие проблемы в системе контроля.

Введение с 1 января 2025 г. Указа Президента Киргизской Республики «О мерах по оптимизации миграционных процессов в Кыргызской Республике» свидетельствует о стремлении государства к более эффективному управлению миграционными потоками. Следует отметить, что, по информации на октябрь 2024 г., около 71,9 тыс. граждан Киргизии пребывали в России с нарушением миграционных норм, что подчеркивает сложность проблемы и необходимость комплексного подхода к ее решению.

Анализ миграционных процессов в Киргизии и Таджикистане демонстрирует, что, несмотря на различия в масштабах и направлениях, обе страны сталкиваются с серьезными вызовами, связанными с нелегальной миграцией и ее влиянием на трансграничную безопасность. В Киргизии, где наблюдается некоторая диверсификация миграционных потоков, помимо России, активно развиваются направления в Турцию, страны Европы и США, что, вероятно, связано с поиском лучших экономических возможностей и более благоприятных условий труда.

Тем не менее, даже здесь, как показывает операция «Нелегал» и другие, подобные ей, сохраняются проблемы с оформлением документов и контролем над перемещениями. Таджикистан же, напротив, демонстрирует крайне высокую степень зависимости от России как основного направления трудовой миграции, что делает его экономику и социальную стабильность особенно уязвимыми

перед внешними факторами, такими как изменения в миграционной политике РФ или экономические кризисы.

Протяженная и слабо защищенная граница с Афганистаном в Таджикистане, помимо прочего, создает дополнительные риски, связанные с проникновением экстремистских элементов и наркотрафиком, что требует постоянного внимания и усилий по укреплению безопасности.

В целом, нелегальная миграция, будучи следствием комплекса экономических, социальных и политических причин, представляет собой многоаспектную проблему для обеих стран. Она не только влияет на демографическую ситуацию и рынок труда, но и создает предпосылки для развития транснациональной преступности, включая экстремизм и незаконный оборот наркотиков.

Понимание этих взаимосвязей и разработка комплексных мер, направленных на легализацию миграционных потоков, усиление контроля на границах и развитие сотрудничества с традиционными и новыми странами назначения, являются ключевыми задачами для обеспечения как внутренней стабильности, так и трансграничной безопасности в центральноазиатском регионе. Необходимо отметить, что существующие статистические данные, особенно касающиеся нелегальной миграции, зачастую являются оценочными и требуют дальнейшего уточнения для более точного понимания масштабов явления.

Библиографический список

Аржаев Ф.И., Борискин В. Э. Экономико-географический генезис бедности в Таджикистане: потенциал экономического роста при сохранении социальных диспропорций // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2024. Т. 17. № 3. С. 149—168. DOI: 10.31249/kgt/2024.03.08.

Ахматова И. Более 1.1 млн кыргызстанцев в миграции — как они формируют экономику страны (2024). URL: <https://economist.kg/exclusive/2024/12/18/boleie-1-1-mln-kyrgyzstantsiev-v-mighratsii-kak-oni-formiruiut-ekonomiku-strany/> (дата обращения: 29.06.2025).

Вилькинс А.И. Среднеазиатская богема // *Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии*. 1879. Т. 35, ч. I, в. 4.

Гарибова Ф.М. Афганская миграция в Таджикистан: тенденции и последствия // *ДЕМИС. Демографические исследования*. 2024. Т. 4. № 4. С. 226—241. DOI: 10.19181/demis.2024.4.4.14.

ГУВМ МВД России: МВД России информирует об изменениях в миграционном законодательстве, касающихся режима высылки и реестра контролируемых лиц. URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Glavnie_upravljenija/guvm/news/item/59085425 (дата обращения: 29.06.2025).

Закон Республики Кыргызстан от 20 декабря 1991 года № 683-ХІІ «Об общих началах разгосударствления, приватизации и предпринимательства в Республике Кыргызстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.07.2012 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30212855 (дата обращения 26.06.2025).

Игнатъева Л.Н., Ночвина Б.А. Советские немцы в Казахстане: от депортации до репатриации // *Власть*. 2025. Т. 33. №. 2. С. 303—308.

Международный валютный фонд (МВФ): ВВП на душу населения (2025). URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/NGDPDPC@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD?year=2025> (дата обращения: 02.06.2025).

Мкртчян Н., Сарыгулов Б. Изменение этнического состава населения Кыргызстана (2012). URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/analit06.php> (дата обращения: 26.06.2025).

Национальная программа развития Кыргызской Республики до 2030 года от 05.06.2025 № 178. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/53-383/edition/32963/ru> (дата обращения: 30.06.2025).

Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Миграция Кыргызской Республики. Б.: 2024. 140 с. URL: <https://stat.gov.kg/media/publicationarchive/d029839d-b662-42f1-bf1a-3eaa751331d6.pdf> (дата обращения: 26.06.2025).

Отчет Министерства труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан «Об итогах деятельности Министерства труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан за первое полугодие 2024». URL: <https://mehnat.tj/ru/news/dt/27992682-25a6-4248-93c1-563ec790053b> (дата обращения: 01.07.2025).

Пименов Н.А. Нелегальная миграция как фактор угрозы дестабилизации общества // Российский экономический интернет-журнал. 2021. № 1.

После операции «Нелегал-2024» из России уедут 20 тыс. иностранцев. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7295341> (дата обращения: 29.06.2025).

Рахронов А.Х. Роль трудовых мигрантов из Центральной Азии в социально-экономическом развитии России в условиях новых глобальных вызовов // Управление. 2024. Т. 12. № 2. С. 82—90. DOI: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-2-82-90>.

Элебаева А. Б. Динамика и характерные черты миграционных процессов в Кыргызстане // Вступление Кыргызской Республики в Евразийский экономический союз: влияние на процессы миграции. Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2015. № 26. С. 6—9.

Aslanov, Rauf. Migration from the Central Asian Republics of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan to Turkey. f Middle East Technical University. 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/374416802_Migration_from_the_Central_Asian_Republics_of_Kazakhstan_Kyrgyzstan_Tajikistan_Turkmenistan_and_Uzbekistan_to_Turkey_Antalya-IstanbulIzmir_after_the_2008_World_Financial_Crisis (дата обращения: 28.06.2025).

Marushiakova, E., Popov, V. Gypsies in Central Asia and the Caucasus. University of St. Andrews. 2016. DOI:10.1007/978-3-319-41057-9.

Qaisran, A., Hahn-Schaur, K., Hendow, Maegan. Irregular migration dynamics from Pakistan and the role of information campaigns. PARIM Final Report. 2021. P. 45—60.

Ratha, D., Plaza, S., Kim, E. In 2024, remittance flows to low- and middle-income countries are expected to reach \$685 billion, larger than FDI and ODA combined. URL: https://blogs.worldbank.org/en/peoplemove/in-2024--remittance-flows-to-low--and-middle-income-countries-ar?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 2.07.2025).

References

Ahmatova, I. (2024). Bolee 1.1 mln kyrgyzstancsev v migracii — kak oni formiruyut ekonomiku strany [More than 1.1 million Kyrgyzstanis in migration — how they shape the country's economy]. URL: <https://economist.kg/exclusive/2024/12/18/boleie-1-1-mln-kyrgyzstantsiev-v-migratsii-kak-oni-formiruiut-ekonomiku-strany/> (accessed: 29 June 2025). (In Russian).

Arzhaev, F., Boriskin, V. (2024). The economic and geographical genesis of poverty in Tajikistan: the potential for economic growth while maintaining social imbalances. *Contours of global transformations: Politics, economics, law*. Vol. 17, no. 3, pp. 149—168. DOI: 10.31249/kg/2024.03.08.

Aslanov, Rauf. (2023). Migration from the Central Asian Republics of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan to Turkey. Middle East Technical University. URL: https://www.researchgate.net/publication/374416802_Migration_from_the_Central_Asian_Republics_of_Kazakhstan_Kyrgyzstan_Tajikistan_Turkmenistan_and_Uzbekistan_to_Turkey_Antalya-IstanbulIzmir_after_the_2008_World_Financial_Crisis (accessed 28 June 2025).

Elebaeva, A. (2015). Dynamics and characteristic features of migration processes in Kyrgyzstan. Entry of the Kyrgyz Republic into the Eurasian Economic Union: impact on migration processes. The Russian Council for International Affairs. No. 26, pp. 6–9.

Garibova, F. (2024). Afghan migration to Tajikistan: trends and consequences. DEMIS. Demographic research. Vol. 4, no. 4, pp. 226–241. DOI: 10.19181/demis.2024.4.4.14.

Ignatyeva, L., Nochvina, B. (2025). Soviet Germans in Kazakhstan: from deportation to repatriation. Vol.33, no.2, pp. 303–308.

International Monetary Fund (IMF): GDP per capita. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/NGDPDPC@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD?year=2025> (accessed: 2 June 2025).

Marushiakova, E., Popov, V. (2016). Gypsies in Central Asia and the Caucasus. University of St. Andrews. DOI:10.1007/978-3-319-41057-9.

Mkrtchyan, N., Sarygulov B. (2012). Changes in the ethnic composition of the population of Kyrgyzstan. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/analit06.php> (accessed: 26 June 2025). (In Russian).

MVD Rossii informiruet ob izmeneniyax v migracionnom zakonodatelstve, kasayushixsya rezhima vysylki i reestra kontroliruemyx licz.[The Ministry of Internal Affairs of Russia informs about changes in migration legislation concerning the regime of expulsion and the register of controlled persons], URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/news/item/59085425 (accessed: 29 June 2025). (In Russian).

Nacionalnaya programma razvitiya Kyrgyzskoj Respubliki do 2030 goda ot 05.06.2025 № 178 [National Development Program of the Kyrgyz Republic until 2030 dated 06/05/2025 No. 178]. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/53-383/edition/32963/ru> (accessed: 26 June 2025).

Nacionalnyj statisticheskij komitet Kyrgyzskoj Respubliki. Migraciya Kyrgyzskoj Respubliki [The National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. Migration of the Kyrgyz Republic]. URL: <https://stat.gov.kg/media/publicationarchive/d029839d-b662-42f1-bf1a-3eaa751331d6.pdf> (accessed: 26 June 2025).

Otchet Ministerstva truda ,migracii i zanyatosti naseleniya Respubliki Tadzhiqistan «Ob itogax deyatel'nosti Ministerstva truda, migracii i zanyatosti naseleniya Respubliki Tadzhiqistan za pervoe polugodie 2024» [Report of the Ministry of Labor, Migration and Employment of the Republic of Tajikistan “On the results of the activities of the Ministry of Labor, Migration and Employment of the Republic of Tajikistan for the first half of 2024”]. URL: <https://mehnat.tj/ru/news/dt/27992682-25a6-4248-93c1-563ec790053b> (accessed: 1 July 2025).

Pimenov, N. (2021). Illegal migration as a threat factor of destabilization of society. Russian Online Economic Magazine. No. 1.

Posle operacii «Nelegal-2024» iz Rossii uedut 20 ty's. inostrancev [After Operation Illegal 2024, 20,000 foreigners will leave Russia]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7295341> (accessed: 29 June 2025). (In Russian).

Qaisran, A., Hahn-Schaur, K., Hendow, Maegan. (2021). Irregular migration dynamics from Pakistan and the role of information campaigns. PARIM Final Report, p. 45–60.

Rahmonov. A. The role of labor migrants from Central Asia in the socio-economic development of Russia in the context of new global challenges. Vol. 12, no. 2, pp. 82–90. DOI: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-2-82-90>.

Ratha, D., Plaza, S., Kim, E. In 2024, remittance flows to low- and middle-income countries are expected to reach \$685 billion, larger than FDI and ODA combined. URL: https://blogs.worldbank.org/en/peoplemove/in-2024--remittance-flows-to-low--and-middle-income-countries-ar?utm_source=chatgpt.com (accessed: 2 July 2025).

Wilkins, A. (1879). Central Asian Bohemia. Proceedings of the Society of Lovers of Natural Science, Anthropology and Ethnography. Vol. 35, part I, v. 4.

Zakon Respubliki Kyrgyzstan ot 20 dekabrya 1991 goda № 683-XII «Ob obshhix nachalax razgosudarstvleniya, privatizacii i predprinimatelstva v Respublike Kyrgyzstan» (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 25.07.2012 g.) [The Law of the Republic of Kyrgyzstan dated December 20, 1991 No. 683-XII “On the general principles of Denationalization, Privatization and entrepreneurship in the Republic of Kyrgyzstan” (with amendments and additions as of 07/25/2012)], URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30212855 (accessed: 26 June 2025).

Поступила в редакцию: 01.12.2025

Принята к публикации: 11.12.2025

Received: Dec 1, 2025

Accepted: Dec 11, 2025